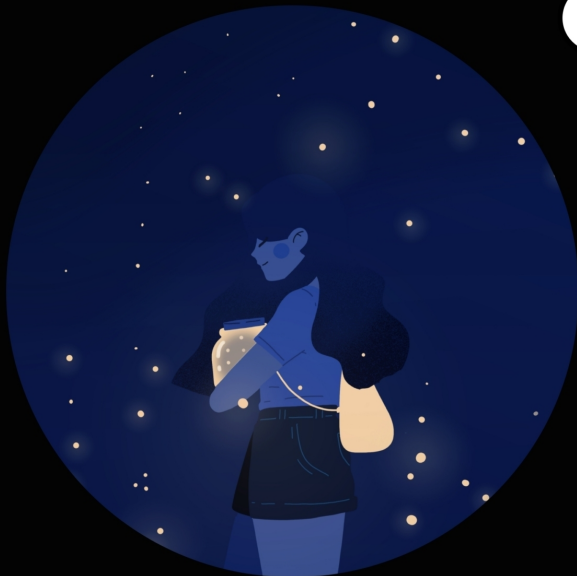

Эдельвейс

16+

Сегодня я умру

Эдельвейс

Сегодня я умру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67744311

SelfPub; 2022

Аннотация

Сегодня я умру...

История одной ночи и одного утра, история одной жизни, протянувшейся нитью через года.

Воспоминания, нанизанные на тонкую нить бытия.

Смогла ли я кому-то помочь?

Эдельвейс

Сегодня я умру

Сегодня я умру...

Девушка склонила голову на бок, внимательно разглядывая выведенные аккуратным, витиеватым почерком слова, на девственно белом листе. Почему то, мысли, что она носила в себе уже неделю, коснувшись бумаги, вдруг обрели совсем другие очертания, хотя, кажется, еще мгновение назад, она хотела сказать совсем иное. Начать издали, с чернеющих на бескрайних холмах, тонких веточках вереска или с резкого, одурманивающего аромата багульника. Рассказать о том, как там, под тонкой от вечного голода кожей, рождается сказка, как она оживает, впивается в плоть своего носителя тысячей маленьких пастей, и рвется, рвется наружу, оставляя своего создателя, свою мать обескровленной, лишенной формы массой, сброшенной кожей. Кажется, ей хотелось донести в этом последнем, а от того столь важном листке, то как пахнут звезды, в далекой не доступной вышине. И о чем нашептывает тем, кто способен услышать его слова ветер, самый свободный из всех ее друзей, видевший столько скорби и боли, что диву порой даешься, как до сих пор он не смёл с лица земли города. Кажется...

Палец скользит по написанному, словно пытается вобрать

в себя каждый звук, каждую ноту, что рождается под ним. Девушка улыбается, ускользая все дальше от погруженной в полумрак комнаты, глубоко-глубоко в тонкую вязь воспоминаний.

« Холодно, так холодно... »

Маленькая, лет десяти не более, девочка, спряталась в густой траве у обочины, то и дело, потирая озябшие от ночной сырости руки, и упорно вглядывалась в хорошо заметное с ее убежища здание на противоположной стороне дороги. Старый, можно даже сказать ветхий дом, сплошь поросший мхом и вьюнком, погруженный, как впрочем, и весь город в сонную тишину поздней летней ночи. Мир дышал спокойствием и теплом, такой родной и уютный, каким умеют чувствовать его только дети, в силу малого опыта еще не знающие боли и страха, что может таиться кажется в каждой тени. Но это ложь, все это и бескрайнее черное небо над головой, в котором ей никогда не увидать звезд, которое она однажды и вовсе перестанет видеть. И легкий, убаюкивающий ветерок и запах сирени, тянущийся откуда-то из темных глубин двора, это спокойствие и эта нега, ложь, что должна прекратиться немедленно или может чуть погодя. Тонкое полотно, сказка, наброшенная на ужасающее в своей откровенности лицо бытия, уж она-то знает, ведь сегодня, прямо сейчас здесь точно кто-то умрет, и ей так хочется увидеть, зачем Папе эти неприкаянные ду-

ши.

Видимо, она уснула и визг, разорвавший тишину ночи, заставил детское сердечко затрепетать, как раненой птице в силках. Дом сиял, полыхая зарницей, дом цвел, как цветёт в колдовской ночи, запретный папоротник, что исполняет желания, дом горел, поднимаясь к небу сизым дымом, заполняя своим смрадом все вокруг, а откуда-то из его чернеющей пасти раздавался переполненный до краев болью, сводящий с ума визг. Девочка кричит, кричит из-за всех сил, сама не понимая, почему и чудятся ей тонкие нити, что скользят прочь из объятых пламенем дома, среди травы и деревьев, путаются в кустах шиповника и, наконец, достигают ее, обвивая лодыжки.»

Девушка за столом вздрогнула, и тихо засмеялась, вписывая новые ноты в тонкую вязь на белой бумаге.

Сегодня я умру, но не смогу уйти...

Кажется тогда, в далекой ночи затерянной среди воспоминаний, она впервые осознала, что значит быть дочерью Тишины. До этого, наивному ребенку, все казалось игрой и Папа, которого видела лишь она, который нежно кутал в недрах своего плаща, что состоял, кажется из самой тьмы неприкаянные души, стекающиеся к нему с разных уголков города, где она, по его просьбе, оставляла отпечаток руки. И смер-

ти, что следовали за ней по пятам, она представляла себя сказочной Банши, что пророчила смерть, потерянной душой Доброго Народа, по случайности, оказавшейся среди людских миров. Окрыленная тайнами, что были спрятанными от ее смертной семьи, не понимающая, что тишина – вестница скорби, символ не покоя, а упокоенных.

Память вновь поднимается, откуда-то из потаенных глубин, укрытых ранее даже от нее самой, за прочными, непробиваемыми стенами, что год от года, она растила в душе, как труженик садовник, нежно пряча острые шипы, за плотной зеленой массой. Подвигая в сторону мира яркие бутоны, манящие ароматом счастья и какой-то сумасшедшей свободы, легкости бытия. Как часто люди путают безумие с радостью, ломкий, хрустящий под стопами лед отчаянья с неведомой прохладой, что рождается из глубины переполненной знаниями души. Как просто, оказывается обмануть всех вокруг, повторяя раз за разом, я в порядке... Но правда в том, что она, никогда не была в порядке.

« Девочка в ярком цветастом платье сидит на полу, чуть склонив голову набок и нахмутив брови, перебирает маленькими пальчиками, тонкие шелестящие страницы. Так с первого взгляда и не скажешь, живой ли ребенок, замер посреди детской или то кукла, оставленная хозяйкой, посреди пестрой процессии машинок и чайных наборов. До того маленькой, кажется она среди громадин шкафов и пышного убран-

ства наряда, окруженная почти золотыми в лучах дневного светила, бесконечно длинными прядями чуть вьющихся волос. Картина, словно сошедшая с листов глянцевого журнала, такая же лживая, как и сам мир, иллюзия бытия, способная истаять в одночасье, реши наблюдатель, вдруг переступить светлую полосу порога и ступить на мягкий ковер в детской.

Девочка с глухим стуком захлопывает книгу, и поднимает не естественно тяжелый для ее невинного личика взгляд к полоске тьмы, что притаилась меж шкафом и дальней стеной. Минуту или быть может чуть меньше, ничего не происходит, кажется, что ребенок просто задумался о чем-то или замечтался, представляя себя принцессой из сказки, и мать, что тихонько наблюдала за девочкой из приоткрытой двери спальни, спокойно отворачивается к телевизору, поглощенная творящимся там действием. И тут же, словно только и ждавшая этого тьма вздрагивает, расширяясь, поглощая в своей непроглядной бездне весь свет, что еще мгновение назад проникал сквозь сумрак угла и медленно, очень медленно открывает свои темно красные, как густая, венозная кровь глаза.

Ей шесть, этой маленькой куколке, закованной в непроглядную, колдовскую тьму и сегодня, когда ночная тишина накроет город, она не чувствуя ни страха, ни сомнений, поднимется с уютной постельки, чтобы тихо-тихо достать припрятанный вечером под подушкой нож. И выведет его

острием тонкую вязь на внутренней стороне бедер, собирая тяжелые, соблазнительно пахнущие капли, а после аккуратным почерком юной леди, создаст первую музыку, рождающуюся из бусин слов, что нанизаны на нить повествования. Договор с тьмой, что христиане нарекли Сатаной, первый, но, увы, не последний.»

Сегодня я умру, но не смогу уйти. Я рада, что была здесь, не смотря на....

Девушка поежилась, вдруг осознавая, что комната, давно погрузилась в полумрак, а бумага, почти так же девственно чиста, что и множество часов назад, так многое, хотелось сказать, так многое, она никогда не найдет в себе сил произнести. Она поднялась, убирая за спину тяжелые красные пряди и закутавшись в шаль, небрежно наброшенную на спинку кровати, побрела в сторону кухни. Время еще было и хоть шелест песчинок, в ее голове все нарастал, ей, почему-то хотелось верить, что последняя приземлится на песчаную горку еще не скоро, а сейчас, сейчас ей хотелось ощутить на языке терпкую горечь кофе. За окном, шумел ветер, и тяжелые ветки орешника бились в окно, верный друг, он чувствовал, приближение Тишины.

«Шторм ревет и порывы мотают хрупкое детское тело из стороны в сторону, норвя то и дело выкинуть девочку

под колеса машин. Ей одиннадцать, но она так и не выросла, оставаясь далеко внизу, прибитая к родной земле, то ли памятью, что никогда не была ее, но при этом никогда ее не покинет. То ли знанием, что несут за спиной те, кто по иронии, вечно юного, а от того не терпящего скуку мира, рождены меж пластов, не люди не Фейри.

Серое здание школы, маячит прямо перед глазами, стоит сделать лишь шаг из густой зелени шиповника, но почему то, в ней нет той силы, чтобы сделать этот один единственный шаг. Там, в прохладной глубине кабинета, ее уже ждет учительница, восхищенная талантам своей юной подопечной, но сама мысль, прикоснуться пальцами к белым, напоминающим россыпь зубов на камнях клавишам рояля, вызывает в душе протест. Она любит играть, восхищаясь чарующим звуками, что рождаются под пальцами, звуками, что кажется, способны донести до мира ее отчаянный, ни кем не слышимый крик, просьбу о помощи. Но, не так, не стирая пальцы в кровь, раз, за разом повторяя мотивы чужой души, прекрасные и чарующие мотивы, но все не имеющие для нее значения, отбирающие шанс быть услышанной, надежду спастись из медленно смыкающейся над головой черной бездны.

Два часа, протекают в одно мгновение, а она так и не вышла, не шевельнулась в кустах шиповника, словно зачарованная пляской древних.»

Первый звоночек надвигающегося безумия, вот, что при-

несла ей волна, поднимающаяся из глубин памяти. Чайник, визжит на плите задыхаясь, испуская из приоткрытого носика пар и девушка, как сомнамбула тянется к ручке, не чувствуя, как раскаленный пластик въедается в плоть.

« Девочка, нет скорее уже почти девушка, сидит, склонившись над бумагой, быстро-быстро водит шариком ручки по белым листам. Так многое хочется сказать, так многое никогда не увидит мир... Вместо тысячи слов, что мечутся внутри, ярятся, пытаются выбраться, продирая себе острыми коготками путь на свет, ложиться на бумагу вязь, совсем иная, обезличенная, но от того не менее ужасная, в своем не повторимом, все объемлющем безумии.

Джек Потрошитель.

История одного безумца, история, в которой на деле не было и крупицы правды или быть может, только и она и была правдивой. Ручка так быстро скользит по бумаге, словно там, за ее спиной в непроглядной неестественной тьме шкафов, стоит тот, чью жизнь она, так беспечно пятнает, вязью звуков, мелодией собственной души.»

Кофе, дешёвый растворимый кофе, купленный так давно, что успел превратиться в однородную клейкую массу, растекается по горлу горечью или может, дело было вовсе не в кофе, а в ярком пламени, что плясал перед внутренним взором. Пламени, пожирающем одну за другой тетради, убранные мелким витиеватым почерком, ее мысли, ее душу. Де-

вушка качнула головой, отгоняя от себя дым прошлого, едкую черную гарь, что заполняла ее изнутри, выходя из открытого рта с дымом сигарет по утрам, и прихватив с собой кружку, вернулась к столу, вновь склоняясь над белым листом.

Сегодня я умру, но не смогу уйти. Я рада, что была здесь, не смотря на то, что так и не смогла найти выход, из лабиринта черных стен. Смогла ли я спасти, хоть кого-то?

«Девушка сидит на парапете, болтая ногой и задумчиво наблюдая, как с каждой минутой двор перед колледжем пустеет. На душе не спокойно, словно это людское море, такое пугающее и ненавистное, меж тем единственное, что отделяло ее от бездны. Нужно было ехать, давно, если честно, дома уже наверняка ее ищут, вот только... Сил не было, как когда-то давно, в почти забытом детстве, она не могла пошевелиться обвита тысячами цепей, собственного безумия. Решение, появилось внезапно, как впрочем часто и бывает, решение, что звали Миша, имя, что изменило всю ее жизнь на до и после, имя, что словно в насмешку, повторяет то, что было названо когда то давно, в темных сводах церкви, так звали ее хранителя, так звали человека, что стал началом.

«Если тебе н куда идти, пошли со мной»

Слова сказаны и ветер подхватывает их отзвуки подбра-

сывая в воздух как невидимый жонглер и она идет, ничего не говоря, ничего не объясняя, сама не зная зачем, она идет, по серому бетону, вслед за чужой спиной. »

Пальцы скользят по ободу кружки все быстрее и быстрее. Смогла ли я помочь, хоть кому-то? Смогла ли, остаться тонкой вязью в их душах или совсем скоро, когда нить моего полотна оборвётся, не останется совсем ничего? Девушка улыбается широко-широко, так, как не умеют счастливые люди, так как улыбается только бездна.

« Переполненный автобус несется, подпрыгивая на ухабистой дороге унося девушку, прочь из города, ей пятнадцать. Рядом, по хозяйски положив ладонь на ее колени сидит парень и она мило улыбается, задумчиво качая головой в такт его словам, чувствуя как медленно-медленно, поднимается по горлу ком тошноты. Рука скользит выше, забираясь под подол студенческой юбки, выше-выше, по тонким ногам, туда, откуда исходит жар. Он напоминает вампира, что жадно ищет крови, вампира, что готов иссушить ее досуха... Она улыбается, мысленно повторяя себе, что все хорошо, нужно терпеть, пустой желудок ноет, отвлекая от десятков глаз, не скрывающих свой интерес.

Никто не вмешался...

Лесная подстилка больно впивается в спину и она улыбается, смотря на темнеющее небо ожидая, как ее личный палач, наконец, закончит выпивать ее досуха и позволит под-

няться с холодной земли. Сегодня, благодаря ему, она сможет поспать не в лесу, вздрагивая от каждого шороха а за забором, спрятавшись меж лавочкой и сараем, чтобы рано утром, тихо покинуть чужой двор, сливаясь с спешащими на работу людьми маленького курортного городка.»

Картины прошлого, несутся все быстрее, обрывочными осколками, недосказанных слов.

« Мальчик плачет, стоя на коленях в кругу грязных, нечёсанных детей. Волчата... Они встретились случайно, в странной, больше похожей на притон общаге, где на девять этажей, нельзя было найти ни единого взрослого. Дикий, страшный мир, даже по меркам той, что кажется, опустилась на самое дно, той, что не брезговала набить жёлудок землей и жирными, мясными червями, той, что давно перестала испытывать хоть что-то, когда над ухом пыхтел очередной «благодетель» готовый, помочь бедняжке кровом или куском хлеба. Она думала, что давно умерла, там внутри, но это место доказала обратное.

Блеск стали, тихий всхлип и тишина, дети молча отступают, словно призраки, исчезая за тяжёлыми дверьми грязных комнатушек.

Сегодня стая лишилась многих, по вине того, кто больше никогда не раскрасит серый мир, своим звонким смехом. Мальчик привел хвост из злых и хмурых взрослых, уверенных в своей непогрешимой правоте, надутых от чувства

собственной важности, запикивающих всех, кто не успел сбежать в дутые грязные машины, увозящие несчастных прочь от стаи в грязные стены приютов и исправительных колоний.

Ночью, тихо ступая по скрипучим половицам древнего здания, она придет, чтобы коснуться дрожащими пальцами, выжженного проема комнаты, которая больше никогда не будет никому принадлежать в назидание другим волчатам. И даже зная, что уже слишком поздно, она смежив веки попросит Отца, укрыть и эту душу, своим темным, как ночь плащом. Он, заслужил, Тишину.»

Девушка вздрагивает, за окном занимается рассвет и первые, еще неясные, лучи дневного светила ползут по шторам, тени в углах становятся все гуще, и она улыбается в эту непроглядную тьму, словно приветствуя кого-то давно знакомого и так же давно потерянного.

«Ей восемнадцать, почти, всего месяца отделяет ее от возможности выбраться, спастись... От чего она бежит? Она не ответит, она не знает, что гонит ее прочь из дома, в холод ночных улиц, она давно уже не понимает, что ей приносит боль, кажется боль течет по венам вместо крови и от нее не скрыться. Тысячи мелких порезов и глубоких ран, на ногах, меж пальцев, на округлой линии бедер, ее спасение, ее надежда. В те мгновения, когда густые алые капли, сме-

шиваются с пылью и грязью, покидая тело ей кажется, что боль хоть немного, но отступает, покидает хрупкое тело, вслед за красной жидкостью.

На лавочке, куда я привели уже ждут, поблескивая круглыми бочками большие бутылки алкоголя, извечно спутника, таких посиделок и она пьет, пьет и улыбается, привыкшая, что не способна пьянеть, привыкшая, что как бы не пошло дело, она всегда держит все под контролем. Сегодня она ошиблась...

Тело, одурманенное чем-то, засыпанным ловкой рукой в высокие сосуды не ощущается вовсе, и даже ливень не помогает, прийти в чувства. Больно. Сознание всплывает и гаснет, оставляя в голове лишь обрывки, скомканные образы. Тяжесть волос набухших от дождя, тяжелые капли, стекающие по губам, свет фар и тихие голоса, ее кто-то тормозит, спрашивает, нужна ли ей помощь.

Страх поднимается в душе, страх привлечь внимание, страх показаться слабой. Кажется, она отказывается и чьи-то руки ведут ее дальше по тёмным, мокрым улицам поселка.»

Девушка в комнате поднимается, сжимая в ладони, так и не заполнившийся словами листок. Память о муже поднимает в душе немой протест, осознание, что ей нечего сказать. Бумага, легко вспыхивает, стоит поднести ее уголок к дрожащему пламени зажигалки, и осыпается прахом по некогда

белому столу, она улыбается. Тьма в темном углу улыбается, ей распахивая кроваво-красные глаза, тянет руки, предлагая ступить под защиту Тишины.

– Папа

Голос срывается, и девушка лишь безмолвно движет губами

«Ночью в горах прохладно и девушка зябко трет руки, склоняясь над костром, даже смешно, что сейчас на пороге смерти, она еще думает о такой глупости, как холод. Сзади раздаётся грубый окрик мужчины, и она поворачивается, виновато смотря на мужа. Парень злится, не понимая, почему она медлит, ведь и он и его друг, давно устали ожидать, когда уже девушка, как и обещала, пустит в венах воздух, навсегда оставшись здесь на вершине пологих холмов, обдуваемых со всех сторон, влажными морскими ветрами.

Она отходит от костра, погружаясь в полумрак леса и присаживается поодаль от шумных парней, чуть касаясь плечом подруги. Тишина не приходит, как бы ей отчаянно не хотелось выполнить эту просьбу, нет скорее приказ, как бы она не желала умереть, Тишина не приходит и девушке остается лишь наблюдать, как пенится пластик шприца, выкинутый властной рукой подруге в жаркое пламя. Ничего, получится позже...

Но позже то же не получилось, даже когда спустя несколько лет, тело ее приняв гору успокоительных остыло настолько, что, пожалуй, можно было не включать конди-

ционер, жаркими июльскими ночами и муж уже потирал руки, в ожидании приятных новостей. Да же тогда, без скорой и врачей, она очнулась спустя всего пару дней и печально улыбувшись супругу на негнущихся ногах, побрела на кухню, Тишина, не пришла.

Князь Тишины, мстил своей глупой дочке, посмевшей однажды выбрать человека, вместо тонкой грани, блестящей меж миров, вместо сказочной пляски Фейри на городских площадях и в темных переулках аллей.»

Девушка улыбается, и шагает во тьму, чувствуя как над головой сходится, отрезая ее от мира извечная тьма.

– Пойдем домой

Голос звучит в ее голове и она смеется, смеется, наконец то понимая, что искала так долго, искала и не могла найти, среди тысяч людских дорог. Она искала Тишину, смертная дочь, бессмертной тьмы.

Ветер ревет распахивая окна, срывая с полок и разбрасывая по полу опустевшей квартиры книги, словно злиться своей не способности что-то изменить и наконец успокаивается, опадая на грязные простыни. Солнце, лениво взбирается по небу, люди радуясь новому дню суетливо спешат на работу, жизнь продолжается и лишь пепел, случайно поднятый ветром, по случайности образует на столешнице узор, в котором если присмотреться можно прочесть

Сегодня я умру...